

СЧАСТЬЯ ВАМ, ЛЮДИ!

«Если кирпич на голову – это судьба!
А если мимо – Фортуна!»

Судьба часто преследовала нас с Ником. Бывали дни, когда необычные, если не сказать дурацкие, ситуации шли целыми стаями. Это сразу заметил и все время подчеркивал наш начальник. Последний маршрут сезона оказался наиболее «судьбоносным».

Мы с Ником с трудом продирались через заросли лиан и перелезали через поваленные бурей стволы исполинских кедров. То и дело на мокрое от пота лицо налипала обильная осенняя паутина. В одном месте нас облепили несколько десятков летающих лосиных клещей – сохаток. Они полезли за воротник энцефалитки и своими кривыми ножками так вцепились в волосы, что мы с трудом вычесали их расческой. Переправляясь через болото, я оступился и провалился в трясину по пояс. Грязь засохла на одежде коркой. Споткнувшись о корень, Ник врезался головой в поваленное ветром дерево и до крови рассадил себе лоб острым сучком.

– Так засохнет, – отказался Ник от бинта.

На этом приключения не закончились, а только начались. Ник держал в руке и рассматривал увесистый образец кварцевого порфира, когда ему на лоб, прямо на рану, уселся овод и сходу его ужалил. Плохо соображая от резкой боли, Ник стукнул камнем себе по голове. Овода не убил, но кожу на лбу рассадил прилично. Кровь потекла по лицу Ника. У каждого из нас в полевой сумке лежал индивидуальный пакет, и я перебинтовал Нику голову.

На следующем обнажении надо было взять образец базальта. Я забил в трещину скалы клюв своего молотка и предложил Нику ударить сверху вторым молотком. Ник постарался и ударил со всего маху. Жгучая боль пронзила левую руку. Мне показалось, что Ник угодил по тыльной стороне моей ладони. Рука сразу онемела. Зажав ладонь между колен, я упал на камни и орал как раненый слон. Ник бегал и охал вокруг меня, не понимая, что произошло. Наконец, боль немного утихла. Я перестал выть и осмотрел ранку. Маленький кусочек металла, отколовшийся от края молотка, словно пуля, пробил кисть моей левой руки. Вот уж не думал, что такая крохотулечка может вызвать адскую боль. Представляю, какую боль вызывает настоящая пуля, когда попадает в человека. А в художественной литературе пишут, как люди даже не заметили, что их ранили. Вранье, наверное. Теперь я ни за что не поверю, что пуля в девять миллиметров может незаметно продырявить человека насквозь.

– Видишь, что наделал? – я показал Нику раненую ладонь.

Ник стоял как проштрафившийся школьник перед директором, виновато смотрел мне в глаза и повторял:

– Я нечаянно!

– Еще бы ты сделал это намеренно!

Ник был так искренне расстроен, что я даже пожалел его. Хотя и себя тоже было жалко.

Осмотрев ранку, я обнаружил, что железный осколок почти насквозь пробил кисть руки между пястевыми костями и застрял под кожей ладони. Болело сильно. Осколок, наверное, задел кость.

У Ника в полевой сумке был медицинский скальпель для заточки карандашей. Мы прокалили его на огне костра, но резать мою ладонь Ник категорически отказался, и мне пришлось делать это самому. Я извлек осколок и подарил его на память Нику.

Ник перевязал мою ладонь последним индивидуальным пакетом и я подвесил руку на грудь через шею.

Теперь мы смотрелись как раненые бойцы: Ник с забинтованной головой, а я с подвешенной через шею рукой. Жаль, не было фотоаппарата.

В принципе с такими ранениями можно было возвращаться домой. Но мы решили продолжить маршрут. Оставалась последняя самая дальняя точка. Если ее сегодня не сделать, то придется снова возвращаться.

Идти по тайге с рукой на перевязи очень неудобно. Я два раза падал и как раз на больную руку. Ник сочувственно слушал мои истошные крики и ругательства.

Последняя точка маршрута находилась на вершине небольшой сопки. Мы поднялись наверх и увидели, что западный склон круто обрывается вниз, срезанный оползнем как ножом. На ровной осыпи из каолиновой глины торчали необычные округлые камни. Мы осторожно спустились вниз по крутой осыпи и разбили пополам несколько шаров размером с голову. Внешняя часть шаров состояла из серовато-зеленоватого кварцевого порфира – породы, образовавшейся из застывшей вулканической лавы. В центре шара была пустота, выполненная аметистовой щеткой изумительной красоты. Вокруг щетки переливались концентрические кольца разноцветного агата.

Я вспомнил, как начальник, посылая нас в маршрут, рассказал, что по результатам дешифрирования аэрофотоснимков около этого холма просматриваются какие-то концентрические разломы и возможно это жерло древнего третичного вулкана.

– Это же вулканические бомбы! – радостно воскликнул Ник. – Бомбы, которые так и не вылетели из жерла и постепенно остыли вместе с лавой. А это вулкан! Самый настоящий вулкан! – орал Ник.

В диком азарте мы принялись раскалывать вулканические бомбы, но пустоты, выполненные аметистовыми щетками, попадались редко. Все равно мы набрали по рюкзаку образцов. Всем ребятам в нашей группе надо было подарить по вулканической бомбе! Мы были очень довольны, что хоть в конце дня повезло.

Маршрут был закончен, и оставалось выбрать удобный обратный путь к лагерю. Перед броском с тяжелыми рюкзаками мы присели отдохнуть на краю обрыва. Под нами, на сколько хватало глаз, широко раскинулась вековая тайга и только на горизонте едва угадывалась размытая линия дальнего хребта.

– Так будем выходить! – Ник уверенно показал на топографической карте предполагаемый азимут нашего хода.

– Нет, лучше возьмем азимут на эту речку и по берегу дойдем до лагеря, – я провел линию нашего пути.

– А если по берегу реки кустарник непроходимый да заболоченные старицы? Забыл, как вчера намучились?

– Ну, тогда пойдем прямо на дорогу, и возьмем азимут восточнее, чтобы не проскочить развилку.

– Пошли! – Ник взвалил на плечи тяжелый рюкзак с образцами и вулканическими бомбами, пристегнул ремень радиометра и, поправив наушники, спросил:

– Прибор включать будем? Питание на пределе.

– На два часа хватит и достаточно, все равно последний маршрут.

Вдруг аномалию зацепим?

– Найдем аномалию, еще на неделю задержимся, – недовольно буркнул Ник.

Ему хотелось домой к жене и маленькой дочке.

Ник помог мне взвалить на плечи тяжелый рюкзак и предложил нести ружье, но я отказался. Привязав к раненой руке компас, я взял северо-восточный азимут, и мы двинулись вперед.

Небо затянуло облаками, и порывистый ветер гудел в кронах деревьев. В плохую погоду в густом лесу надо точно выдерживать азимут и постоянно смотреть на компас. На пути беспрерывно попадались какие-то ручейки, не обозначенные на карте, или топкие болотистые участки. Но когда на пути вставал красивый высокий кедр, то душу выматывал подлесок, переплетенный лианами, кишмишем, диким виноградом. Особенно густо заросли лианами поваленные ветром стволы кедров и пихт, попадавшиеся на каждом шагу. За час мы вымотались до изнеможения и остановились покурить.

– Ерунда осталась – километра два, при такой скорости час ходьбы, – прикинул я, соображая, где мы могли примерно находиться.

Мы снова взвалили рюкзаки и только тронулись, как в зарослях лещины взлетел рябчик. Молоденький петушок с хохолком на голове сел на толстый сук лиственницы и, вытянув шейку, с интересом рассматривал нас.

Я инстинктивно вскинул ружье на локоть раненой руки. Ник остановил меня.

– Не стреляй! – попросил он. – Зачем убивать такую красоту? Мы не голодные, в лагере ждет обед.

Ник был прав, готовить рябчика после обеда не имело смысла, а есть на троих в нем нечего. Я громко свистнул, чтобы испугать птицу, но рябчик только сильнее вытянул шею, удивляясь тому, что эти лохматые обезьяны тоже умеют свистеть, и ещё так громко.

Мы продирались сквозь чащу леса. Я всё время смотрел на компас, привязанный сверху к забинтованной руке, и старался как можно точнее держать азимут. Мы шли час, потом ещё полчаса – дороги не было.

– Может, проскочили? – предположил Ник.

– Быть такого не может, – я достал карту. – Если бы пересекли дорогу и не заметили, то сразу врезались бы в болото, видишь? И вот этот ручей, текущий вдоль дороги на северо-запад, мы тоже не переходили. Все ручьи текут в северо-восточном направлении. Получается, что мы слишком медленно идем.

Ник закурил последнюю сигарету и наколот пустую пачку на сухую ветку поваленной лиственницы.

– Скоро должна быть дорога, – уверенно сказал я, – пошли, хватит курить.

Мы прошли ещё час, дороги не было. Остановились посмотреть карту, и тут я заметил наколотую на сук пачку из под сигарет. Выходило, что мы сделали круг. Но это было просто невозможно, мы шли точно по азимуту. Я посмотрел, на какой стороне растёт мох на стволах деревьев, а потом на компас. Вместо севера стрелка показывала на юг. Здесь была сильнейшая магнитная аномалия, вокруг которой мы дали круг. Вспомнилось, как начальник, рассказывая нам геологию района, упомянул

про мелкое месторождение магнитного железняка как раз на востоке площади.

– Послушай, мы, кажется, заблудились, – я показал Нику на пустую пачку, – только смотри, не стукни себя молотком по лбу, – предупредил я его на всякий случай.

Ник всё понял и почему-то разозлился на меня.

– Довертелся? – с досадой воскликнул он.

– Крокодил переползал через рельсы и проходящим поездом его разрезало на три части. Тогда голова обернулась и ехидно спросила: «Ну что хвост, довертелся?»

– Что делать будем, Сусанин? – Ник даже не улыбнулся.

– Ночевать. В нашем распоряжении час светлого времени.

Ник залез на дерево и осмотрел местность. Оказалось, что недалеко река, и мы решили заночевать на берегу. Сориентировавшись по направлению течения реки, я установил, что мы отклонились на три километра к западу. На широкой галечной косе, заваленной плавником, сбросили с натуженных плеч пудовые рюкзаки. Раздевшись донага, осмотрелись пока светло, но клещей не было.

Вдруг в тайге возник странный шум. Сначала послышался гул как от сильного ветра, который быстро перешел в рев и свист. Дрожала земля, и было слышно, как с хрустом падают тяжелые стволы деревьев. Словно гигантское чудовище приближалось к нам, проламываясь через тайгу. Мы замерли от страха. На нас быстро надвигалось что-то огромное и неведомое, а спрятаться от него на пустынной косе было негде, бежать голым в тайгу – глупо.

На повороте реки, в ста метрах ниже по течению, в воду с шумом стали валиться вековые кедры. Неожиданно потемнело, словно нас накрыла черная грозовая туча, и завыл ветер. Грозное НЕЧТО было уже близко. И вдруг мы увидели над кронами исполинских кедров огромное извивающееся тело.

– Смерч! – воскликнул Ник.

Бешено вращаясь, и расшвыривая деревья, темный жгут вышел на середину реки во всей страшной красоте. Толстое, извивающееся тело смерча поднималось вверх и сливалось в вышине с низкими серыми облаками. Смерч качнулся и двинулся в нашу сторону. Поднятая вихрем галька полетела в нас градом, словно выпущенная из пращи.

По мелочам Нику всегда удивительно не везло, небольшой камень, поднятый вихрем, угодил ему прямо в лоб. Ник жалобно вскрикнул и сел на гальку. Я встал перед ним, загораживая его и радиометр от града мелких камешков. Прикрывая лицо полевой сумкой, я со страхом наблюдал, как смерч идет прямо на нас. Гул нарастал с каждой секундой.

Извиваясь словно гигантское живое существо, смерч наклонился и навис над узкой галечной косой, на самом конце которой два крошечных обнаженных существа со страхом смотрели вверх.

«Все, это судьба!» – со страхом прошептал мой первый внутренний голос.

Но, природа в тот день оказалась благосклонна к нам. Смерч постоял немного, осыпая нас градом камней, и двинулся вниз по реке.

«Шишь тебе, это Фортуна!» – ликовал второй внутренний голос.

Через пару минут смерч удалился за поворот реки и осталась видна его черная воронка под облаками. Наступила оглушительная тишина, как будто ничего не произошло, и только поваленные в реку деревья разворачивало мощным течением и уносило вниз. Ник с несчастным видом

сидел на гальке, держась руками за голову. Красное пятно проступило на бинтах, и по его щеке ползла тонкая струйка крови. Мне стало жалко Ника и захотелось как-то его подбодрить.

– У тебя сейчас такой вид, будто ты готовишься произнести классическую фразу: «Брось меня здесь, дальше иди один». Получится душераздирающая сцена не хуже, чем в кино.

Ник ничего не ответил. Я понял, что ему здорово досталось. Но, жалеть человека в такой ситуации никак нельзя.

– Что ты нахохлился, как мокрый петух? Ну, хочешь я прямо сейчас подарю тебе самую большую вулканическую бомбу!

– Чтоб я ее до лагеря тащил? – сходу догадался Ник.

Слава богу, с головой у него все было в порядке, и соображал он по-прежнему быстро.

– Спасибо. Я знал, что в трудную минуту ты всегда готов отдать мне все самое дорогое и тяжелое.

Ник ладонью стер со щеки кровь и раздраженно воскликнул:

– И почему мне сегодня целый день так не везет? Три раза по башке, и все по одному и тому же месту!

– Это чтобы жизнь тебе медом не казалась, – заметил я, осторожно сматывая с головы Ника окровавленный бинт, – поэты должны страдать, ты сам об этом писал! Конечно, в палатке у теплой печки страдать несравненно удобнее...

– Это не страдания, а издевательство.

– Ну, тогда напиши Ленке: – А живу я тут прекрасно, так мне дураку и надо!

Кровь, сочившаяся из раны, заливала Нику правый глаз. Я хотел было пережать артерию на его шее, чтобы уменьшить приток к ране и дать возможность крови свернуться. Но Ник наотрез отказался от такой помощи. Можно было подумать, что его хотели задушить. Аккуратно обработав рану чистым пробным мешочком, я сматал со своей руки длинный бинт. Маленькая ранка на тыльной стороне моей ладони уже совсем не кровоточила.

– Ты этот день будешь всю жизнь вспоминать, – заметил я Нику, туго перебинтовывая голову – сколько приключений сразу, другим такое даже не приснится!

– Это точно! – горестно согласился Ник.

– Сейчас было бы в тему жаркое на вертеле из того рябчика, которого ты пожалел.

– А я очень даже доволен, что он живой, – упрямо заявил Ник, – сидит сейчас где-нибудь на дереве и дремлет, а утром встретит солнце. Это лучше, если бы ты окровавленными пальцами содрал с него шкуру вместе с перьями.

Ник умел образно выражаться, и мне нечего было ответить.

В кармане энцефалитки у меня нашлась леска с крючком. Ник великодушно пожертвовал на мушку клочок волос со своей бороды. Светло-рыжие курчавые волосы росли у него почему-то лишь на горле, как у козла. От этого Ник страдал ужасно и очень обижался, когда я советовал ему натирать безволосые скулы кукурузной кочерыжкой, уверяя, что это раздражает волосяные сумки в коже и способствует росту бороды.

Хариусы предпочитали рыжий волос, вероятно, потому, что пауты тоже рыжие.

– Ты вари грибной суп. В кармане рюкзака возьми луковицу. Соль там же в бутылочке, – наказал я Нику.

Пока не стемнело, я отправился вниз по реке посмотреть, что наделал смерч. Вывал леса был страшный, как будто по тайге протащили трехэтажный дом. Но зато на верхушках поваленных деревьев можно было наломать веток с большими кедровыми шишками.

Кедровые орехи, конечно, вкусно, но надо что-то и существенное в рот положить. Пришлось загубить тоненькую длинную рябину, чтобы изготовить удилище. Перекат был отличный, и первый хариус граммов на триста схватил мушку сразу. Освобожденная от крючка рыбина высоко прыгала в траве на берегу. Затем не было ни одной поклевки, и лишь когда стало смеркаться, мушку схватил второй хариус поменьше.

К костру я вернулся почти в темноте. Ник уже сварил грибной суп. Есть хотелось страшно, как перед стипендией. Жаль, не было хлеба, но супчик из подосиновиков удался на славу. Хариусов натерли солью и насадили на длинные прутья, так чтобы можно было держать их над углями костра. Чешуя от жара вздулась и стала коричневой, но под ней было нежнейшее белое мясо, которое мы, обжигаясь, быстро съели.

– Что готовил, что не готовил, – констатировал Ник, облизывая пальцы.

– Что ел, что не ел! – я подвинул Нику котелок, чтобы он не забыл его помыть. Свой походный котелок я очень любил и берег и всякий раз начищал его песком до блеска.

– А Вовочка сегодня на обед гороховый суп с беконом приготовил, сейчас бы по тазику! – не к месту вспомнил Ник.

В нашем отряде были необыкновенно большие эмалированные миски, в которые сколько ни положи еды – все на дне. Только недавно Ник обнаружил, что в описи экспедиционного имущества миски числились как «тазики малые эмалированные».

Ник вымыл котелок и повесил на огонь кипятить воду. Чай для геолога – первое дело. Но заварки не было и сахара осталось всего по одному куску. Еще по пути к реке я срубил с березы гриб чаги и заварил из него черный, как деготь, напиток. После чаепития Ник бросил на красные угли кедровые шишки, чтобы смола на них обгорела, а орешки слегка поджарились. После орехов еще раз попили чаги.

Закончив ужин, мы разлеглись у костра на подстилке из пихтовых лап. Ник вдруг достал цилиндрический пластмассовый пенал из-под ветровых спичек, развинтил его и вытряхнул две сигареты. Ни слова не говоря, он протянул мне одну.

Это было с его стороны безумной жертвой. Целый месяц он не давал мне сигарет и приходилось их воровать, а сейчас делился последним. Но я тоже из благородных, терпел месяц без курева, а уж день дотерплю. Скоро все равно будем в поселке, и я куплю сигареты.

– Кури сам, – отказался я, – оставишь мне пару затяжек.

Спать не хотелось. Зажигать ночью было рано, и мы уставились на звезды в просветах между деревьев.

– Это Кассиопея, – я показал рукой на созвездие в виде W.

– Красивое имя, – задумчиво произнес Ник. – А кто она, Кассиопея?

– В древнегреческой мифологии Кассиопея жена царя Кефея. Возгордясь своей красотой, она заявила, что прекрасней всех женщин Земли. И прогневала морских нимф, которые уговорили бога морей

Посейдона наказать ее и послать морское чудовище, растерзать дочь Кассиопеи прекрасную Андромеду.

Налетел ветер, и в вышине зашумели кроны кедров. Ник протянул мне бычок сигареты, и я пару раз затянулся.

– А что стало с Андромедой?

– Ее спас сын Зевса Персей и женился на ней.

Кроны деревьев опять загудели под порывом ветра, как будто вновь приблизился смерч. На землю рядом с нами упала большая кедровая шишка.

– Над зубцами пихт догорел закат,

Высоко в облаках пламенея,

Только я стою в тишине ночной,

Под созвездием Кассиопея, – вдруг продекламировал Ник.

Я понял, что он сочинил новые стихи и попросил:

– Давай еще.

– Полыхнула ночь, голубым огнем,

Разлилась, по озерам синяя,

Словно с дальних звезд, на огонь костра,

Ты ко мне сошла, Кассиопея.

– Может, песню сочиним на эти слова? – предложил я.

– Да, а припев возьмем твой любимый:

Та... – ри... – ра...

пупа, пупа, пупа,

На поморе ти-ра-ра, – ухмыльнулся Ник, – и получится отличный шлягер. Это не стихи, а так, порыв души. Если в жизни и есть что-то стоящее, что обязательно надо увидеть, то это дикая природа, – мечтательно произнес Ник, забыв, как эта дикая природа в виде смерча только что захлестнула его камнем по голове. – Мы самые счастливые люди – ходим по тайге, спим на земле, и далекие звезды и галактики светят нам из космоса.

Мне тоже было хорошо и просто распирало от счастья.

– Давай сейчас сделаем что-нибудь грандиозное, для всего человечества, – предложил я.

– Ты что, грибами отравился? – не понял Ник.

– Эх ты, а еще поэт. Пару раз по башке схлопотал, и вся лирика из него вылетела.

– Не два, а три раза, – поправил меня Ник, как будто это было так важно.

– Давай сейчас напишем записку, засунем ее в твой пенал и бросим в реку, – предложил я. – Представляешь, сначала она попадет в Амур, потом в Охотское море, а потом в Тихий океан!

– И что мы напишем в записке?

– Напишем всего три слова: «Счастья вам, люди!» Тебе что, пластмассовой коробки жалко?

– Для счастья людей мне ничего не жалко! – серьезно ответил Ник и достал пикетажку.

На обратной стороне этикетки для образцов он написал печатными буквами: «СЧАСТЬЯ ВАМ, ЛЮДИ!»

– Напиши то же самое еще и по-английски, – попросил я.

Ник написал: «Happiness and peace for all peoples!»

– А если записка попадет к китайцам? – усмехнулся он.

– По китайски я сам напишу, – под изумленным взглядом Ника я нарисовал четыре иероглифа. – Китайские стажеры подарили моему отцу

палочки для риса из красного дерева, на которых были написаны вот эти иероглифы, – пояснил я.

– И что они означают?

– Это пожелание счастья – огромного, как «Восточное море», так в древности китайцы называли Тихий океан.

– Подписываться будем? – спросил Ник, прежде чем сложить записку.

– Напиши просто: Ник и Абель! Геологи.

Мы зашвырнули пластмассовый пенал на стремнину темной реки и пожелали нашему посланию счастливого пути к океану.

Ночью ударили заморозки, и когда прогорел костер, нас посетили «дядюшка Колотун» с «тетушкой Холодрыгой». Замерзли так, что зуб на зуб не попадал. Я проклинал себя за то, что надел в маршрут брезентовую энцефалитку прямо на голое тело, рассчитывая греться работой. Пока тащили по тайге тяжелые рюкзаки, это действительно согревало. У Ника под энцефалиткой был тонкий свитер, но сейчас он замерз сильнее меня и, часто стуча зубами, дрожал так, будто попал под высокое напряжение. Я пожалел Ника и набросил на него край своей полиэтиленовой накидки от дождя. Ник инстинктивно завернулся в полиэтилен. Стягивать с него накидку было уже неудобно.

«Пускай хоть один немного поспит», – решил я, и встал с подстилки из влажных пихтовых лап.

Над головой высыпали крупные яркие звезды, а вдоль реки стелился холодный и липкий, как мокрая вата, туман. Нодья едва теплилась. «Племяш Дубак» тряс меня так, что болталась голова.

На галечной косе я провел короткий «бой с тенью». Немного согрелся, но от маханий кулаками сразу заныла раненая кисть. Из сухого плавника развел хороший большой костер. Ник дрожал как заячий хвост. Я стащил с него резиновые сапоги и влажные портянки, а на его холодные, как у покойника ступни, натянул цветастые пробные мешочки. Вытряхнув из рюкзака вулканические бомбы, я сунул ноги Ника прямо в рюкзак. Ник, наконец, согрелся и перестал дрожать. Меня клонило в сон, но я знал, что спать нельзя – это будет не отдых, а одно мучение, и ложиться не стал. Надо было заняться каким-нибудь делом. Я высушил у костра сапоги Ника. Потом разулся и высушил свои сапоги и портянки. Положив голову на колени, я смотрел на огонь. Над рекой забрезжил рассвет, и туман окрасился в розовые тона. Вскипятив в котелке воду, я растолкал продрогшего Ника. Мы напились горячего кипятку. Взошло солнце. Сориентировавшись по карте, двинули к лагерю. Высокая уже пожелтевшая трава была влажной от росы. Брюки тут же промокли, а в сапогах стала хлюпать вода.

Страшно хотелось спать. Шатаясь, я брел по тайге, засыпая на ходу, глаза слипались. Мне снились какие-то короткие бессвязные сны. Ноги заплетались от тяжести рюкзака. Наконец, мы вышли на дорогу. Тут можно было идти на «автопилоте» и целый час, пока мы шли, я практически спал на ходу.

Первым нас встретил Вовочка. Он сразу же бросился разогревать на костре обед. Я присел на скамейку, положил руки на стол из жердей и уснул под теплыми лучами утреннего солнца. Ник пристроился рядом.

Нас разбудил начальник. Он посмотрел сначала на мою руку, а потом на забинтованную голову Ника.

– Где это вас угораздило? – недовольно спросил он.

– Ника укусил в голову овод, – сообщил я.

– Что, так сильно?
– Нет, но он чуть не убил его образцом!

Начальник усмехнулся.

– А с твоей рукой что?

– Кусочек от молотка пробил руку!

– Ну-ка, развязывайте свои грязные бинты, – вздохнул начальник.

Первым он осмотрел Ника и спиртом продезинфицировал рану. Ник при этом даже не поморщился. Я показал свою крохотную дырочку в ладони. Начальник внимательно ее осмотрел и плеснул из фляжки спирт. Неожиданно руку так защипало, что я вскрикнул. Судя по Нику, эта процедура казалась совсем безболезненной.

– Закончили маршрут? – строго спросил начальник.

Мы рассказали, как плутали из-за магнитной аномалии, какой видели смерч и как ночевали на берегу реки.

– Ладно, это моя вина, – смягчился начальник, – забыл вчера вам напомнить про магнитную аномалию. Все точки сделали?

– Производственное задание выполнено полностью, – отрапортовал я.

– Карту и пикетажки на стол, – коротко приказал начальник.

Мы разложили на столе карту и пикетажки.

Начальник просмотрел дневники и ни к чему не смог придраться. Он напускал на себя суровость, но было видно, что в целом он нами доволен. Наконец, начальник усмехнулся и заметил:

– Прав был Чехов, когда говорил, что «если зайца долго бить по голове, то его можно научить зажигать спички».

– Чехов так говорил? – тихо спросил меня Ник.

– Не знаю, – я мотнул головой, пытаясь отогнать сон.

За спиной начальника кривлялся чумазый Вовочка. Он мимикой и жестами показывал, что приготовил безумно вкусный обед, и мы за едой откусим себе пальцы.

– Что я говорил? – воскликнул начальник, просматривая мою пикетажку.

Я вздрогнул и проснулся. Мне как раз почему-то снилась школа, урок истории и директриса вдруг спросила меня: «Что я говорила? Ну-ка, повтори!»

– Это же вулкан, показывайте бомбы.

Наш начальник был самым настоящим геологическим фанатом. Про таких говорят, что они умирают с молотком в руке. После восторгов при рассмотрении расколотых бомб мы подарили начальнику один из самых лучших образцов с жеодой, выполненной красивой аметистовой щеткой.

Страшно хотелось спать, но начальник, видимо, думал, что мы отлично выспались у костра, и заставил нас камеральность.

– Иди, ложись, – предложил Ник, – я все закончу, тебе сегодня машину вести, а я в дороге отосплюсь.

– В кузове разве уснешь на таких колдобинах?

– Мне не в первой, – усмехнулся Ник, – перед экзаменом по минералогии я двое суток не спал, а когда возвращался в общежитие, то уснул стоя в переполненном троллейбусе. Водитель разбудил меня уже на кольце, когда я, как обезьяна, висел, держась за поручень в пустом салоне.

Одетый я завалился на спальник и проспал три часа. Начальник меня не тронул.

К вечеру мы погрузились в машину и попрощались с геологами. Проезжая брод через реку, я остановился долить воды в подтекающий

радиатор и вспомнил, что где-то через бурные пороги и водопады плывет к океану наше послание людям Земли.